

Гришаева Л. И.
Воронеж, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ СРЕДСТВО ПЕРЕДАЧИ И ХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Abstract

The study of precedent texts in language personality's discourse reveals all components of his/her spiritual world, character and intellect. The great potential of artistic and expressive power makes precedent text one of the most effective and preferable means of creating literary characters and endowing them with individual and typical features.

***

Всякий раз, знакомясь с историей, политическими структурами, культурными достижениями, с философией, литературой или искусством, человек, изучающий неродной язык, многое не в состоянии адекватно осмыслить до тех пор, пока не усвоит сведений относительно ментальности, образа жизни, предубеждений и пр., а также фундаментальных ценностей народа, язык которого он в данное время изучает. Психологи отмечают, что восприятие «чужого», «незнакомого» подчиняется иным закономерностям, нежели восприятие «своего», «знакомого». Так, П. Мог, Г.-И. Альтхаус и др., авторы интересной модели преподавания страноведения, основывающейся на интегративном межкультурном подходе ко всем фактам жизнедеятельности той или иной лингвокультурной общности, справедливо замечают, что в основе индивидуально-психологического процесса формирования представления о «чужом» лежат ксенофобия и восхищение. Эти две диаметрально противоположные установки на восприятие «чужого» — и ксенофобия, и восхищение — имеют одинаковые корни: собственные желания и чувства, скрытые внутренние психологические предрасположенности социализации личности и т.п., которые только эксплицируются при встрече с «чужим», становятся более или менее осознаваемыми субъектом восприятия¹. Различать «свое» и «чужое» позволяют объективно существующие различия этнического, регионального, социального, профессионального и пр. характера. Примечательно, что узкий, локально ограниченный жизненный горизонт или низкая образованность и т.п., принадлежность к определенной социальной группе и пр. факторы могут стать доминирующими причинами, негативно или позитивно влияющими на восприятие чужого: Ср., к примеру, представление «среднего» немца об

Америке, например, в 50-е годы и представление об Америке в 60-е годы у политически активных образованных немцев: они противоположны².

Национальные языки отличаются друг от друга не столько некоторыми отдельными, изолированными друг от друга параметрами, сколько всей **совокупностью вербальной и невербальной информации**. Последнюю язык как ментальный феномен фиксирует и передает различными вербальными механизмами и при необходимости также вербализует ее. Значительную роль в этом отношении играют прецедентные тексты (далее: ПТ).

Ю. Н. Караулов, разрабатывая концепцию языковой личности, приписывает ПТ, одному из наиболее существенных элементов языковой личности, следующие свойства:

- **они значимы для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении;**
- **они имеют сверхличностный характер, то есть хорошо известны широкому кругу носителей языка, как предшественникам, так и современникам;**
- **данная языковая личность неоднократно обращается к такого рода текстам³.**

Ю. Н. Караулов полагает, что незнание прецедентных текстов «есть предпосылка **отторженности от соответствующей культуры**»⁴ (выделено мною — Л.Г.).

Именно поэтому особое значение приобретает литература как способ синхронного представления социально значимых разнородных стереотипов, как отображение синкретического образа «национального характера». Концепция «языковой личности» Ю. Н. Караулова представляется с этой точки зрения достаточно надежным лингвистическим основанием, позволяющим, с одной стороны, неспекулятивно и лингвистически описать «национальный характер», а с другой, — выявить национальную специфику, оставаясь в рамках лингвистического исследования.

Носителем национального характера, по Ю. Н. Караулову, выступает относительно устойчивая во времени часть в структуре языковой личности, некая доминанта, абстрагируемая от национально-культурных традиций и господствующей в обществе системы ценностей

¹ Mog, P., Althaus, H.-J. (Hrsg.) Die Deutschen in ihrer Welt. Tübinger Modell einer integrativer Landeskunde. Langenscheidt Berlin / München / Wien / Zürich / New York, 1994. S. 22 ff. См. также: Balint M. Angstlust und Regression. Beitrag zur psychologischen Typenlehre. Reinbek. Hamburg 1972. Marx Th. Über mentale Probleme des Sprachkontakts unter dem Aspekt kultureller Fremdheit. In: Hertel V., Barz J., Metzler R., Uhlig B. (Hrsg.): Sprache und Kommunikation im Kulturkontext. Peter Lang Frankfurt 1996.

² Bredella L. (Hs.) Perceptions and Misperceptions in the United States and Germany: Studies. In: Intercultural understanding. Tübingen, 1988. См. также: Jantz H. The Myth about America. Origins and Extensions. In: A. Ritter (Hg.): Deutschlands literarisches Amerikabild. Neuere Forschungen zur Amerikarezeption der deutschen Literatur. Hildesheim, New York, 1977.

³ Гришаева Л. И. Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие: Немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов. — Воронеж: ВГУ, 1998. С. 216.

⁴ Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. С. 216.

ных ориентации. ПТ образуют, согласно обсуждаемой концепции, третий уровень языковой личности — «коммуникативную сеть». Поэтому ПТ могут служить источником сведений с жизненно важных чертах каждой конкретной личности (в том числе и литературного персонажа). Особое значение приобретают сведения о чертах индивидуального характера, о системе оценок ситуации, о совокупности мотивов, целенаправленности личности. Именно поэтому ПТ могут стать чрезвычайно емким и выразительным средством создания художественного образа, выполняя разного рода функции; а набор ПТ, апеллирующих к фундаментальным морально-этическим и социально-значимым ценностям, может наглядно иллюстрировать национальную специфику в обсуждаемом плане. Следовательно, ПТ может служить своеобразной моделью концептуализации мира в определенном социуме.

Каждый текст — независимо от его принадлежности к определенному типу и от его функционально-стилистической вариативности — представляет собой упорядоченный комплекс вербальных и невербальных (аудиальных, визуальных, кинестетических) сведений, которые неразрывно связаны между собой. Тем самым каждый текст можно осмыслить как некий фрагмент из соответствующей национально-специфической концептуальной и языковой картины мира.

ПТ можно понимать как **прототип умственной переработки** внеязыковой действительности, следовательно, он может служить своеобразным инструментом передачи грядущим поколениям раз познанных предшествующими поколениями когний, среди которых, безусловно, характерные для соответствующего социума морально-этические нормы.

Примером ПТ в немецкой культуре может служить текст «Сказание об императоре», который в многочисленных вариантах повествует о добром императоре, который до наступления «лучших времен» спит в горе Кифхойзер и пробуждение которого и будет означать наступление «лучших времен». Эти сказания служат в Германии с 15 века своеобразным образцом суждения о том, насколько «хорош» или «плох» император. Для русской культуры таким образом могут, как представляется, считаться былины о Владимире Красном Солнышке. И хотя содержание соответствующих повествований, как правило, довольно далеко от фактов и, очевидно, нетождественно друг другу, эти сказания и былины сопоставимы друг с другом по своей функции.

ПТ поэтому можно считать **коммуникативным прецедентом, образцом**, который помогает в сходных условиях в будущем так или

иначе решать стоящие перед коммуникантами задачи (номинативные, коммуникативные и пр.) и как следствие — как в некотором смысле гносеологическим прототипом.

С этой точки зрения, ПТ можно определить как **культурно-специфический образец когнитивной** обработки внеязыковой действительности. Именно поэтому они могут выполнять функцию национально-специфического образца восприятия при оценке, мыслительной обработке повторяющихся и / или сходных / тождественных ситуаций. Выражаясь иначе, ПТ является комплексным прототипом для культурно-специфической обработки внеязыковой действительности и способствует тем самым скорейшему установлению взаимопонимания между коммуникантами, поскольку он одновременно представляет собой образец реализованных коммуникативных стратегий применительно к тем или иным условиям. В ПТ актуализируются хранящиеся в долговременной памяти вербальные и невербальные когнии, которые, с одной стороны, взаимообусловлены и дополняют друг друга, а с другой — напрямую связаны с морально-этическими ценностями народа. Таким образом, в этот уже однажды организованный комплекс информации, в уже имеющийся образец восприятия внеязыковой действительности встраиваются новые когнии; поэтому ПТ легко вызывается из долговременной памяти и служит образцом для ментальной обработки сходных и / или одинаковых ситуаций.

С когнитивной точки зрения, ПТ представляет собой комплекс гетерогенных, гетеросубстратных, гетерохронных когний, хранящихся в долговременной памяти. Характерно, что соответствующими языковыми средствами именуется не один объект (как это бывает при именовании того или иного предмета) или кадр внеязыковой действительности (как, например, при установлении определенных отношений между двумя или несколькими объектами или при приписывании тому или иному объекту определенного свойства), а **целый комплекс ситуаций**, которые каузально связаны между собой и состав которого (комплекса) и порядок следования внутри него языковых средств именовании более или менее константный. В отличие от «нормальных» текстов, состав ПТ в значительной мере определяется в соответствии с хорошо известным каркасом, ср., например, известные варианты сказаний о кайзере Барбароссе или былины о Владимире Красном Солнышке. Поэтому свобода адресанта в значительной мере ограничена: отбор языковых средств зависит от уже имеющегося образца. Поэтому в ПТ варьируются √ степень детализации при повествовании / описании / ... соответствующего содержания, тип текста (повествование / описание / рассказ и т.д.), √ выбор средств именовании предметов / лиц / событий / ..., √

выбор средств выражения соответствующих грамматических категорий и т.д., в то время как содержание текста, в целом, не варьируется. Тем самым, в ПТ варьируется не **ЧТО**, а **КАК**; на этом свойстве ПТ основывается его способность служить для данной культуры прототипом, образцом восприятия действительности, который общеизвестен и употребителен.

В силу своей прямой связи с морально-этическими ценностями ПТ является прямой апелляцией к социально значимым ценностям, поскольку, как уже подчеркивалось, в ПТ связаны вербальные и невербальные когнитии. Именно по этой причине ПТ может быть, с точки зрения языковой экономии, крайне выгодным средством, поскольку он может заменить многочисленные «нормальные» тексты.

С логико-семантической позиции, ПТ представляет собой **комплекс пропозиций**, которые могут быть, с точки зрения языковой формы, финитной конструкцией, группой слов той или иной структуры, одной лексемой или же макротекстами.

Каждый ПТ имеет ряд специфических, присущих ему как феномену черт. При этом следует иметь в виду взаимодействие общего и особенного, общего и единичного, равно как и взаимодействие общего, единичного и универсального, национально-специфичного и интернационального. С точки зрения синтаксиса текста, ПТ представляет собой когерентную последовательность языковых средств выражения, которые адресант целенаправленно (осознанно или неосознанно) отобрал для реализации своей интенции. Поэтому ПТ имеет все признаки текста: он может быть представлен в письменной или устной форме; в его основе лежит семантическая, синтаксическая и прагматическая когерентность текста; он имеет явно выраженную коммуникативную функциональность, оформленность, тему; он относительно закончен, упорядочен и т.д. ПТ произволен, константен, конвенционален; и поэтому он может служить средством хранения и передачи от поколения к поколению всего комплекса разнородных когнитий, которые в определенный момент стали в данном обществе значимыми и актуальными.

Как **комплекс вербальных и невербальных когнитий** ПТ формально и содержательно вариативен. Такая вариативность обусловлена принадлежностью конкретного текста к определенному типу и сорту текста, стилистической, коммуникативно-прагматической и т.д. вариативностью. На этих свойствах ПТ базируется упоминавшаяся выше черта текста произвольного и конвенционально соотноситься с фрагментом внеязыковой действительности, который представляет собой некий упорядоченный комплекс кадров = ситуаций, которые нужно называть, и тем самым — комплекс вербальных и невербальных конвенций. В силу сказанного ПТ

может стать в своей языковой форме вербальным образцом для именования внеязыковых ситуаций теми или иными языковыми средствами.

Каждый ПТ может встречаться в соответствующей культуре в вербальной и в невербальной форме. В вербальной форме он может выступать как устный или письменный текст; вопрос об объеме ПТ несущественен для нашего рассмотрения; он может быть равен либо одной лексеме, либо одному предложению или даже целому тексту, который варьируется функционально-стилистически, по сортам и типам текста, по жанровым характеристикам или прагматическим. В невербальной форме ПТ фиксируется как предмет искусства (картина, статуя, памятник, архитектурное сооружение) из того или иного материала (в глине, стекле, из дерева и т.д.) или даже как предмет быта, сувенир, игрушка, открытка, фотография из разного рода материалов и разнообразные по форме. Для немецкой культуры можно привести в качестве примера текст «*Макс и Мориц*».

Первоначально это был обычный текст, сочиненный немецким писателем и художником В. Бушем в середине прошлого века и рассказывающий в юмористической форме и ненавязчивой форме о проказах двух друзей, которые, в конце концов, были за свои козни поделом наказаны. Позднее этот текст вошел в обыденную жизнь немецких детей (одна из самых популярных книжек для детей вплоть до сегодняшнего дня). Сегодня можно встретить персонажей этой книги повсюду в виде серии картинок из книги В. Буша, как игрушки из различных материалов, открытки и т.д., причем, только по внешнему виду можно без труда узнать и Макса, и Морица. В семидесятые годы в бывшей ГДР в г. Галле, например, существовала бройлерная под названием «Макс и Мориц»; стены этой бройлерной были украшены иллюстрациями из книги В. Буша со стихотворными подписями из этой же книги, а именно, сценами, изображающими, как друзья Макс и Мориц с помощью хитрости сначала убивают четырех кур у бедной вдовы Больте, а затем воруют уже поджаренных безутешной вдовой кур и поедают их всех сразу. Для людей, незнакомых с немецкой культурой, невозможно понять, почему в ресторанчике подают только жареную курятину, почему стены его украшены стихами. Более того, само название этого ресторанчика может быть прочитано как то, что владельцами этого ресторанчика являются люди с именами Макс и Мориц.

И вербальную, и невербальную форму фиксации ПТ в определенной культуре можно легко трансформировать одну в другую, напри-

мер, уже упоминавшиеся тексты «Макс и Мо-риц» или же «Сказание об императоре». Последний ПТ существует в немецкой культуре как в виде ряда текстов различной жанровой принадлежности, так и в виде сувениров или как памятник, дословно «цитирующий» в камне содержание соответствующего сказания о немецком кайзере Фридрихе Барбароссе:

В углублении, на старинной скамье в старинной одежде сидит мужчина с короной на голове, с бородой длиной в несколько метров в позе дремлющего человека. Любой человек, являющийся носителем немецкой культуры, без труда распознает, кого изобразили архитектор и скульптор, посвятившиеся памятник на горе Киффхойзер кайзеру Вильгельму, при котором в 19 веке объединилась Германия; более того, почти любой немец осознает, почему архитектурный ансамбль возведен именно на горе Киффхойзер и почему в архитектурном ансамбле представлены два кайзера, один из которых располагается под памятником другому и изображен спящим. Сказанное справедливо и по отношению к таким прецедентным текстам в немецкой культуре, как «Вартбург как замок немецкой нации», «Гейдельбергский университет как символ немецкой учености», «Гейдельберг как символ романтики, юности, любви» «Дуб как символ некоторых черт характера немецкого народа» и т.д.

ПТ можно без ущерба для успешной коммуникации в любой момент либо развернуть, либо свернуть в содержательном и / или формальном плане; важно, однако, отметить, что уже некогда сформированные и неоднократно использованные культурно-специфические образцы осмысления внеязыковой реальности остаются относительно постоянными и что носители языка и соответствующей культуры впредь придерживаться этих образцов и предпочитают варьировать их, вместо того, чтобы придумать новый образ, новое сравнение, новый тип и т.п., чтобы описать познаваемые отношения, актуальные в данный момент. Это не может быть случайным. Кроме того, частотность обращения к ПТ является весьма информативной: По тому, насколько часто тот или иной ПТ служит предпочтительным для представителей культуры средством апеллирования к социально значимым ценностям можно, с одной стороны, узнать, какие морально-этические ценности и социальные нормы являются наиболее актуальными и значимыми в определенных условиях, а с другой — какие ценности можно признать в соответствующей культуре основополагающими и сущностными (обращение к соответствующему образцу на протяжении многих веков и многими поколениями в различных условиях!).

Таким образом, ПТ представляет собой, с прагматической точки зрения, возможность с помощью минимума средств реализовать свою интенцию. При использовании ПТ речь, действительно, может идти о минимуме средств, поскольку соответствующие образцы осмысления действительности, с одной стороны, содержат уже готовые продукты речемыслительной и коммуникативной деятельности, типичные для данной культуры, а с другой — напрямую связаны с фундаментальными представлениями соответствующего социума о том, что есть хорошо, а что — плохо.

В этом смысле, ПТ действительно обладает огромным потенциалом: Они особо эффективны, так как они являются своего рода метафорой и тем самым образны и крайне выразительны; поэтому в силу общеизвестности тексты обсуждаемого типа в состоянии направлять деятельность адресата, влиять в определенном, нужном адресанту направлении на адресата, при этом такого рода воздействие не всегда бескорыстно со стороны адресанта, ср.: *Он добрый правитель – Он похож на Владимира Красно Солнышко; Он прекрасный государственный деятель — Это прямо-таки второй Петр!* или же для немецкой культуры: *Он как кайзер Фридрих Барбаросса; Народ всегда ждал доброго кайзера – Народ ждал, когда же проснется кайзер Барбаросса* и т.д.

Описанные особенности служат основанием для определения того, какие функции выполняют ПТ. Как образец когнитивной переработки действительности, ПТ в состоянии информировать адресата о различных аспектах:

- о системе основополагающих, максимально характерных для данной культуры ценностей, согласно которым каждый носитель языка и культуры оценивает свое место в социуме, а также классифицирует то или иное событие (в самом общем виде, по шкале «хорошо — плохо», «допустимо — недопустимо»), поскольку каждое действие личности укоренено так или иначе с помощью разного рода социальных институтов в морально-этической системе;
- о мотивах деятельности в тех или иных условиях личности (как произвольно-индивидуальной, так и социального типа);
- о наиболее характерных свойствах индивидуума;
- о типичных коммуникативных стратегиях при вербализации внеязыковой действительности и т.д.

Тем самым ПТ может служить надежным знаком национальной культурной специфики; однако, безусловно, при этом не исключена возможность учитывать случайно-индивидуальные и социально-типические черты личности (прежде всего адресанта, но возможно и адресата).

Следовательно, ПТ можно трактовать как выразительное средство, который может иметь разнообразные функции:

- представлять эпоху и характеризовать ее;
- выразительно и образно представлять какой-либо персонаж;
- быть в силу этого существенной составной частью речевого портрета персонажа;
- служить иллюстрацией национальной спецификой, схватывать сущность этой национально-культурной специфики;
- маркировать интенции адресанта 1 (= автора литературного произведения);
- маркировать кульминацию литературного произведения;
- служить символом, замещающим ту или иную личность / персонаж;
- способствовать разрушению стереотипов и предрассудков, помогать установлению взаимопонимания между народами, что при изучении неродного языка и знакомстве с иной культурой может быть особо значимым, ср. воздействие языковой единицы *Барбаросса* на представителя немецкой культуры — (!хороший кайзер) и на представителя русской культуры, незнакомого с соответствующими знаниями (план нападения «Барбаросса»). Последнюю функцию следует акцентировать потому, что восприятие чужого подчиняется иным закономерностям, чем восприятие знакомого, своего.

Анализ наглядно демонстрирует, что в немецкой культуре ПТ как в вербальной, так и в невербальной форме своего существования являются излюбленным средством апеллирования к национально-значимым ценностям. Об этом свидетельствуют, например, регулярно повторяющиеся обычаи и ритуалы (*карнавал, народные праздники либо общенационального характера, либо локального*); воздвижение памятников, различных по форме, но идентичных по своему назначению (*колонны Роланда как символ юридической самостоятельности города в различных частях Германии*); повторяющееся возобновление уже известных схем действия в разных социально-политических условиях.

Например, сжигание М. Лютером папской буллы в начале 16 века <=> сжигание на горе Вартберг недалеко от замка Вартбург прогрессивно и патриотически настроенными студентами книг, которые в то время в Германии считались реакционными, в день, когда М. Лютер сжег папскую буллу => сжигание книг, признанными немецкими нацистами «вредными» и «неарийскими», в тридцатые годы 20 века сперва в Берлине, а затем и в других городах); √ избрание общенациональных символов с опорой на уже известные образцы: (цвета «черный — красный — золотой» как символ для демократически настроенной молодежи в начале

19 века, во времена борьбы против Наполеона и позднее, в сороковые годы 19 века в период буржуазной революции и борьбы за единство Германии) <=> толкование этих цветов как символа демократии во второй половине 19 века => выбор этих же цветов в качестве цветов государственного флага Германии в 20-е годы 20 века при образовании Веймарской республики => выбор этих же цветов для государственного флага в 1949 году как в прежней ФРГ, так и в бывшей ГДР); √ повторение или возобновление проведения социальных акций: сбор буршешифтов (то есть студенческих корпораций) на горе Вартберг недалеко от замка Вартбург в 20-х годах 19 века => сбор студентов там же после объединения Германии в 20 веке или же мероприятия буршей (— членов студенческой корпорации) и мн. др.

Как представляется, такое частое обращение к уже известным образцам социальной активности и осмысления действительности свидетельствует о стремлении немецкой культуры в целом и ее отдельных представителей не прерывать свою культурную преемственность, обращаться к опыту прежних поколений, не пренебрегать им, не начинать всякий раз заново. Именно поэтому особое значение имеют памятники, подобные памятнику на горе Киффхойзер (*Kyffhanserdenkmal*) или памятник Арминию в Тевтобургском лесу, неподалеку от Детмольда (*Arminiusdenkmal*), воздвигнуты либо в месте, на которое указывают старинные сказания, либо там, где, предположительно, состоялось соответствующее событие. Поэтому мотив создавать такого рода общенациональные символы одновременно говорит о непрерывности культурной традиции и желании представителей этой культуры чувствовать свою причастность к истории своей страны и к наиболее значимым — знаковым — событиям и персонажам.

Следует заметить, что использование ПТ можно признать немецкой культурной традицией: Так, ПТ об Арминии-херуске служит основным средством, маркирующим главный конфликт в романе Л. Фейхтвангера «Братья Опперманны», текст Лознгрин — в романе Г. Манна «Вернопопданный», текст о рыбе, пойманной рыбаком, — в романе Г. Грасса «Палтус», сказания о чернокнижнике докторе Фаусте и сказания о ведьмах с Брокена — в трагедии И. В. Гете «Фауст» и др. Можно было бы упомянуть и творения Р. Вагнера, который охотно использовал немецкие народные сказания, легенды и известные из прошлого литературные произведения, переосмысляя их в соответствии с требованиями времени и согласно своему мировоззрению. Аналогичные примеры можно найти и иных видах искусства.